

**Похоронно-поминальные традиции обских угров и удмуртов:
опыт сравнительного анализа**

Т. В. Волдина

*Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок,
г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация,
tatyanaavoldina@yandex.ru*

Т. Г. Миннихметова

*Институт европейской этнологии Инсбрукского университета
г. Инсбрук, Австрия,
minnijah@hotmail.com*

АННОТАЦИЯ

Введение. Статья продолжает тематику угро-пермских параллелей в мифологии и обрядовой сфере. Исследование базируется на утверждении о существовании единого для обских угров и пермян древнего мифоритуального пласта, исторически сложившегося в результате миграций, взаимовлияний и контактов, и/или являющегося наследием неких общих предков.

Цель: определить общую для обских угров и удмуртов аутентичную парадигму смерти, лежащую в основе их похоронно-поминальных традиций и близких по характеру мифоритуальных элементов.

Материалы исследования: в исследовании использованы материалы авторов и других исследователей, опубликованные ранее.

Результаты и научная новизна. Авторами впервые предпринят сравнительно-сопоставительный анализ мифоритуальных похоронно-поминальных традиций удмуртов и обских угров, в ходе которого определён лежащий в их основе общий круг древних угро-пермских представлений о смерти: мифологический пространственный образ реки, текущей в нижний мир; очистительные и защитные функции огня и воды; изменение статуса жизненного пространства, требующего ритуального «закрытия»; раздельное существование души-дыхания и души-тени.

Ключевые слова: понятие о смерти, ханты, манси, удмурты, угро-пермские мифологические параллели, похоронные и поминальные традиции, мир живых, мир усопших, обряды.

Благодарности: авторы выражают благодарность членам редакционной коллегии, рецензентам, редактору английского текста профессору Сарат Кумар Йена.

Для цитирования: Волдина Т. В., Миннихметова Т. Г. Похоронно-поминальные традиции обских угров и удмуртов: опыт сравнительного анализа // Вестник угроведения. 2021. Т. 11. № 2. С. 368–377.

**Funeral and memorial traditions of the Ob Ugrians and Udmurts:
experience of comparative analysis**

T. V. Voldina

*Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development,
Khanty-Mansiysk, Russian Federation,
tatyanaavoldina@yandex.ru*

T. G. Minniyakhmetova

*Institute for History and European Ethnology,
University of Innsbruck, Austria,
minnijah@hotmail.com*

ABSTRACT

Introduction: the research continues the topic of the Permian-Ugric parallels in mythology and the ritual sphere. The study is based on the assertion of the existence of an ancient mythical layer that is common for the Ob Ugrians and Permians, historically formed as a result of migrations, interactions and contacts, and / or is the legacy of certain common ancestors.

Objective: to determine the authentic paradigm of death common to the Ob Ugrians and Udmurts underlying their funeral and memorial traditions and similar myth and ritual elements.

Research materials: materials of the authors and other researchers published earlier.

Results and novelty of the research: for the first time, the authors have undertaken a comparative analysis of the mythological funeral and memorial traditions of the Udmurts and Ob Ugrians. On the basis of the analysis, the general circle of ancient Permian-Ugric ideas about death is determined: the mythological spatial image of a river flowing into the lower world; the cleansing and protective functions of fire and water; the change in the status of living space that requires ritual «closure»; the separate existence of the soul-breath and the soul-shadow.

Key words: concept of death, Khanty people, Mansi people, Udmurt people, Permian-Ugric mythological parallels, funeral and memorial traditions, world of the living people, world of the dead people, rites.

Acknowledgments: the authors express their gratitude to the members of the Editorial Board, reviewers, and the editor of the English text, Professor Sarat Kumar Jena.

For citation: Voldina T. V., Minniyakhmetova T. G. Funeral and memorial traditions of the Ob Ugrians and Udmurts: experience of comparative analysis // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2021; 11 (2): 368–377.

Введение

Во всех культурах концу жизни придавался особый смысл, и обращение с умершим приняло строгие ритуальные формы. Обряды перехода, связанные со смертью, являются наиболее консервативными из всех ритуальных практик, сохраняют глубинную архаичную символику основных жизненных ценностей. Конец жизни отражает сакральные для общества понятия о душе/душах – жизненных силах человека, «этом» и «иных» мирах. Выработано особенное восприятие всего происходящего с наступлением смерти одного из членов общества и обращения с теми пространственными локусами, с которыми хоть как-то соприкасался умерший, вследствие этого места захоронений обрели определённый статус сакральных. В то же время, традиционные представления, связанные с кончиной, для современных представителей исследуемых народов не выглядят отчётливыми и прозрачными, а являются стереотипно поддерживаемыми обрядовыми действиями, без осмысления причин возникновения предусмотренных ритуальных практик.

Обращение к мифологическим источникам может внести некоторую ясность в исследуемую проблему. Как указывает Т. Г. Владыкина, уровни сопоставления оказываются закодированными, и ключ к дешифровке символа можно найти только в мифологическом контексте [5, 55], при этом необходимо учитывать, что фольклорные творения и этнографические реалии постоянно проявляются в единстве и «пользуются одним и тем же условным символическим языком» [22, 12].

Массив культурных традиций, роднящий угро-пермские народы, включает в себя разновременные напластования. Как известно, наиболее интенсивные исторические контакты протекали среди предков коми-зырян и коми-пермяков, с одной стороны, и северных манси и хантов, – с другой. В то время как удмурты и восточные ханты

занимают периферийное положение. С учётом этого, рассматривая обских угров и пермян как некую условную общность, можно выделить «центральную часть» (коми – северные манси и ханты) и относительно чистую «периферийную зону» (удмурты – восточные ханты). Наличие и отсутствие в последней близких традиций в сопоставлении с «центральной частью» могут в дальнейшем лечь в основу сравнительной методики определения разновременных компонентов в общем комплексе мифоритуальных традиций, с приложением к ним современных теорий, объясняющих процесс сложения и распада изучаемых этнических групп в территориальном и хронологическом ракурсе. Общие для всех пермских и обско-угорских групп традиции могут считаться более древним наследием, в то время как культурный пласт «центральной зоны» носит более поздний характер и может рассматриваться в контексте уже изученных на данный момент исторических процессов. Проведённый авторами сопоставительный анализ затрагивает наиболее архаичный пласт мифоритуальных традиций обских угров и удмуртов и предваряет собой планируемое комплексное исследование угро-пермских мифоритуальных параллелей на более обширном этническом материале с привлечением более широкого круга участников. Таковы ключевые предпосылки в изучении данной темы.

На бытование в прошлом общей древней угро-пермской основы указывает идентичность взглядов в рассматриваемых культурах на наличие в человеке двух составляющих: души-дыхания (хант. *лыл*, манс. *лылы*, удм. *лул*) и души-тени (удм. *урт*, об.-угор. *ис*, *ис-хор*, а также *урт* в значении «бродячая» душа), как и целый пласт близких представлений о них, который может быть существенно дополнен при дальнейшем рассмотрении ритуальных комплексов. Ранее в мифоритуальном контексте авторами уже

рассматривался комплекс представлений о душе / душах или жизненных силах человека в традиционных культурах обских угров и удмуртов. Продолжая сопоставительное исследование лежащих в основе обрядности базовых смыслов в традиционном мировосприятии изучаемых народов, в данном случае на основе сопоставления элементов их похоронно-поминальных традиций, авторы стремятся глубже осмыслить значение полученных сведений, совокупность которых определяет единый для исследуемых народов мифологический пласт. Такой подход подразумевает и понимание этнического своеобразия в традиционном мировосприятии каждой из культур, а также учёт современного состояния изучаемого явления.

Тема смерти в исследуемых этнических культурах рассматривалась в разные периоды и разносторонне. Похоронно-поминальные традиции обских угров нашли своё отражение в исследованиях, раскрывающих как локальные особенности, так и отдельные стороны обрядности: это работы В. В. Бартенева, И. Н. Гемуева, А. П. Зенько, В. С. Ивановой, Т. А. Исаевой, К. Ф. Карьялайнена, В. М. Кулемзина, Е. П. Мартыновой, Б. Мункачи, С. А. Поповой, Т. Р. Пятниковой, Е. И. Ромбандеевой, И. П. Рослякова, О. М. Рындиной, З. П. Соколовой, Н. М. Талигиной, Е. Г. Фёдоровой, В. Н. Чернецова. Универсальных аспектов проблемы применительно к удмуртам касались Н. П. Рычков, Б. Гаврилов, Г. Е. Верещагин, П. М. Богаевский, Н. Г. Первухин, И. Н. Смирнов, И. Васильев, У. Хольмберг, Ю. Вихманн, М. Ильин и с середины прошлого столетия Л. С. Христолюбова, М. Г. Атаманов, В. Е. Владыкин, Т. Г. Владыкина, А. Линтроп, Н. И. Шутова, А.-Л. Сиикала, Т. Г. Миннияхметова, Н. Анисимов.

Несмотря на имеющийся богатейший материал в рамках статьи очень сложно сопоставить всю сложившуюся похоронно-поминальную обрядность изучаемых народов, поэтому сведения о ней даны выборочно с учётом цели работы, предваряя собой более масштабное исследование. Авторами рассмотрены лишь наиболее общие вопросы, касающиеся представлений о потустороннем существовании души, подготовки к погребению, похоронах и поминках, не вдаваясь в детали столь обширной тематики. Не представляется возможным сосредоточить внимание на существующих отличиях в рассматриваемых обычаях (их спектр очень широк),

а также на определении степени влияния христианства и ислама – в случае с разными группами удмуртов (этому могут быть посвящены отдельные работы). Для анализа авторами взяты обобщённые материалы по северным группам обских угров (преимущественно казымским хантам и сосьвинским манси) и закамским удмуртам.

Материалы и методы

Для проведения сопоставительного анализа похоронно-поминальных традиций пермских и обско-угорских народов авторами привлечены собственные материалы исследований, опубликованные ранее по казымским хантам [6; 7] и закамским удмуртам [13; 14], а также материалы других российских и зарубежных финно-угроведов по данной теме: исследования по обским уграм И. Н. Гемуева [8; 9], А. П. Зенько [10], К. Ф. Карьялайнена [11], В. М. Кулемзина [12], Б. Мункачи [28], С. А. Поповой [17], Т. В. Пятниковой [18], Е. И. Ромбандеевой [19], З. П. Соколовой [20], Н. М. Талигиной [21], В. Н. Чернецова [24]; по удмуртам – Н. Анисимова [1], М. Г. Атаманова и В. Е. Владыкина [2], В. Е. Владыкина [3], Т. Г. Владыкиной [4; 5], Л. С. Христолюбовой [23], Н. И. Шутовой [25], У. Хольмберга [26], А. Линтропа [27], Е. Тулуз [30], А.-Л. Сиикала и О. Уляшева [29], В. Войта [31].

Наряду со сравнительно-сопоставительным методом, в данной работе применён метод структурно-типологического анализа, посредством которого выявленные авторами близкие для удмуртов и обских угров мифоритуальные элементы формируются в единую систему, представляющую собой реконструкцию общего для них древнего угро-пермского мировоззренческого пласта.

Результаты

Прекращение жизни – изначальный фактор стресса, которому в разных культурах давались различные религиозно-мифологические объяснения. Повсеместно же утверждалось, что смерть человека влечёт не только изменения душевного состояния живых, а выступает также единовременным катализатором вступления времени в новую стадию, когда меняются и пространственные нормы, и границы.

Для мистического восприятия действительности представителями традиционных обществ характерно признание «параллельности миров», согласно которому «трансцендентная реальность «другого мира» пронизывает обычную реальность» [11, 122].

Мифологические представления о потустороннем существовании

Традиционный комплекс представлений обских угров и удмуртов о жизни и смерти носит универсальный характер и базируется на общих и ключевых дефинициях в их космогонической мифологии; ими же являются природные стихии огня и воды, выступающие в роли персонифицированных божеств или просто абстрактных сил – магических проводников между мирами, содействующих трансформации состояний и очищению, что нашло соответствующее осмысление и применение в ритуальной практике. Например, у обских угров огню отводилась роль «очистителя» от душ покойного жилища и всех вещей, которые окуривались специальным составом; совершалось также ритуальное омовение умершего, способствующее его «беспроблемному» переходу в другой мир, другую «жизнь». Одновременно огонь мыслится также способом магической защиты живых от мёртвых [7, 29–32]. Такие же значения приписывались этим стихиям и удмуртами.

Другой основой ритуальных практик обско-угорских и пермских народов выступают сложившиеся в традиционном мифологическом сознании древнейшие пространственные модели с глубинным смысловым значением, прочно кодирующиеся на подсознательном уровне. Известны мифологические модели с делением мира по горизонтали и по вертикали на верхний, средний и нижний миры (Мировая река, Мировое древо/ Древо Жизни, Мировая гора). Такие пространственные образы увязываются между собой в некую ментальную схему, так как содержат в себе общие принципы символического выражения круговорота жизни и смерти [7, 36–39].

С рекой ассоциируется мистическая дорога предков, связующее звено между мирами, в её верховьях зарождается человеческая жизнь (приход из верхнего мира), завершающаяся в её низовьях (уход в нижний мир). Как пространственный архетип река (у хантов и манси её олицетворяет Обь) маркирует также направление север-юг, но иногда и запад-восток, где северная и западная стороны ассоциируются с миром мёртвых («ночная сторона»), противопоставляемых дневному светлomu миру живых.

Близкие представления характерны и для удмуртов, согласно которым потусторонний мир представляет противоположность этому миру: по отношению к месту проживания живых «тот мир» располагается к воспринимаемому как вниз

к северу или северо-западу, ниже по течению реки (т. е. внизу), где темно, холодно, где ранее умершие живут сообща. Такое восприятие «того мира» развило стереотипы образов действий и в мире живых: похороны совершаются в послеобеденный период, поминальные церемонии в честь умершего принято устраивать с вечера и до полночи, а сроки проведения поминок установлены и ведут счёт с ночи: «три ночи», «семь ночей», «сорок ночей», «годовая ночь».

У обских угров и удмуртов выявляются несколько сосуществующих параллельно сценариев «жизни» после смерти. У хантов и манси одна из душ умершего (*ис, ис-хор*) отправляется на север (по течению Оби) в мир предков (нижний мир), где она проживает свою жизнь в обратном порядке, т. к. в «том» мире, по сравнению с «этим», всё – наоборот, с преобладанием доминирования левой стороны, и превратившись в жука исчезает [7, 89]. У удмуртов также развито представление о загробном мире, расположенном на севере, внизу, где всё – наоборот, потому и при поминках все действия выполняются против солнца, тыльной стороной руки, еда выбрасывается на север. Душа-*урт* отправляется с умершим в иной мир, но имеет возможность возвращаться в светлый мир; её представляют в виде мотылька, летучей мыши, ласки, пчелы, паука [25, 206].

В представлениях хантов и манси, так называемая «могильная» душа (одна из душ *ис, ис-хор*) «привязана» к месту захоронения и продолжает своё существование до разложения тела в среде подобных себе покойников [17; 18; 19; 20; 21; 24]. Место пребывания души *урт* у удмуртов – в гробу, для её передвижения делается дыра на крышке гроба.

Обские угры верят, что умерший после смерти может стать покровительствующим духом, так как его душа *лыл /лылы* попадает в верхний мир, где она продолжает жить, периодически возвращаясь в мир живых. Она представлялась крылатой, обычно в виде птицы. Умершие предки у удмуртов также покровительствуют живым; люди обращаются к ним за поддержкой, совершая приношения, а впоследствии – благодарственные жертвоприношения. Душа *лул* может вернуться и вселиться в новорожденного.

В традиционных ритуальных практиках уделяется внимание помощи душам умершего для достижения ими места пребывания, во избежание их застревания в «этом» мире, а также защиты живых от пагубного влияния потусторонних сил.

Ритуальные практики подготовки к погребению

С момента смерти человека помещение с пребывающим там покойником действиями присутствующих обретает лиминальный статус. У удмуртов для ухода души открывают печную заслонку, но печь не топится, сосуды с водой опустошаются, в ночное время оставляется минимальное освещение, окна и зеркала занавешиваются, шум прекращается – создается сумрачная, безмолвно-покорная обстановка. Пространственные же границы начинают расширяться с извещением родных, знакомых и жителей общины, когда завязывается и их соприкосновение с умершим – посещением его, непосредственной помощью в приготовлениях к похоронам, прощанием с ним, отправлением его в иной мир. Подобные правила с завешиванием отражающих поверхностей существуют и у обских угров. Как и у удмуртов, у присутствующих не должно быть оголённых частей тела. Но при этом обязательно должен гореть огонь, особенно в ночное время, сейчас его заменяет электрический свет. Считается, что смерть человека приоткрывает пространство дома, и важно в течение определённого времени, после похорон эту «дыру» закрыть [12; 17; 18; 19; 21].

Для мытья покойного у удмуртов приносят воду из текущего родника или реки и при этом черпают воду обратив сосуд по течению. Использованная для мытья вода выливается у северного столба въездных ворот. Обмывание тела умершего в традициях обских угров производится раствором чаги по определённым правилам, а также очищается окуриванием дымящейся чагой [6; 12; 17].

Одежда, в которой человек находился в момент наступления смерти, у удмуртов сжигается у могилы или выбрасывается в реку, овраг / ров «яму для выбрасывания коры, луба», туда же относятся остатки стружек, щепок от гроба. У обских угров – такую одежду и другие остатки от погребального церемониала, например, срезанные края оленьей шкуры, которая стелется на дно гроба, уносят в лес, в непосещаемые людьми места. У удмуртов в прошлом гроб стелили берёзовыми листьями, нельзя было снабжать подушкой из гусиных или утиных перьев, если только из куриных. Ничего птичьего (пух и перья) в гроб класть нельзя и у хантов и манси, но при этом на гробе перед его погребением самый старый человек рисует угольком солнце, луну и птицу [6; 24].

И у обских угров, и у удмуртов, покойника одевают в тёплую одежду. При этом весь инвентарь, одежду, которые кладут в гроб покойнику, портят, т. е. вещи символически умерщвляются как уже принадлежащие представителю иного мира.

Коммуникация с умершим

Коммуникация с умершим происходит постоянно; при приготовлении к захоронению с ним разговаривают, обращаются с вопросами, у удмуртов при ночных посиделках рассказывают какие-либо истории из жизни усопшего, общаются с покойным как с живым, при перевозке на кладбище поют прощальные песни.

Согласно обско-угорских традиций, роль руководителей обрядов отводится старым людям, они отвлекают от горя рассказами, допускаются лёгкие шутки, подсказывают, что нужно делать в том или ином случае. Утром устраивался ритуальный плач, которым умершего «будят». Когда покойник находится в доме, все приходящие подходят к нему здороваться с левой стороны, нельзя проходить у изголовья, у гроба накрывается маленький столик. Перед выносом проводится гадание, когда присутствующие поочередно подходят к изголовью гроба и с помощью специально установленной под ним доски приподнимают его 4 или 5 раз в зависимости от пола умершего, мысленно задавая ему вопросы, ответом на которые могут быть «да» (лёгкое поднятие) или «нет» (гроб становится очень тяжёлым). Обычно интересуются своей ли смертью умер человек, ушёл он в свой срок или преждевременно, хочет ли он что-то передать остающимся и т. п. [6; 9; 18; 19]. У удмуртов близкие по характеру действия происходят в момент угощения умершего «горячим супом», где собравшиеся поочередно выражают свои чувства покойному.

Традиции поведения на кладбище

Умершего хоронят рядом с другими родственниками на семейно-родовом участке. Согласно удмуртским традициям, кто-то из близких «откупает» место для могилы, очерчивает его топором и после этого допускается копать могилу. Перед опусканием покойного в могилу и у удмуртов, и у обских угров открывают крышку гроба и умершему предоставляют возможность проститься со светлым миром.

По удмуртским обычаям, у входных ворот кладбища посетители обращаются ко всем умершим и разбрасывают еду. У обских угров это делают у могилы, где разводят костёр, за которым поминают покойных. Надмогильные сооружения

у хантов и манси представляют собой подобие домика с окошком, в момент посещения родственников стучат и приоткрывают его, туда же ставится угощение [8; 18; 19; 20].

При покидании территории кладбища прощаются как с конкретным умершим, так и всеми усопшими. У удмуртов кто-либо из мужчин, держа в руках можжевельную / еловую / пихтовую ветку, слегка хлещет ею каждого переходящего границу кладбища со словами «он(а) (имярек) идёт домой, он(а) (имя умершего) остаётся»; когда все покидают кладбище, закрывая ворота, три раза проводят черту от столба до столба ворот металлическим предметом (топором, лопатой). У обских угров, когда уходят, окошечко закрывают, а на границе кладбища принято перешагивать через огонь или дымящуюся хвойную веточку, чтобы душа умершего не последовала за живыми.

В домах обских угров в момент захоронения кто-то из оставшихся родственников выметает весь дом ритуальным веником, состоящим из веточек разных деревьев (иногда это колючие ветки ели), тем самым изгоняя души умершего; тогда же перемывается посуда, моется пол, помещение окуривается. У удмуртов после выноса гроба из дома также начинается уборка помещения: выметают мусор, моют окна, полы, стены, утварь, топится печь.

После похорон участники возвращаются в дом покойного, у удмуртов их опрыскивают золой, все моют руки, парятся в бане и лишь после этого участвуют в поминальной трапезе. Аналогичные обычаи существуют и у обских угров, после посещения кладбища люди моют лицо и руки, очищаются дымом курящейся чаги. Таким образом, завершается основной цикл ритуальных действий, восстанавливающий обычный порядок течения жизни.

Символика ритуальных действий.

Поминки

В обрядовой практике противопоставляются круговые движения двух векторов: направление по часовой стрелке, или по солнцу – олицетворяет правильное течение жизни, а против часовой стрелки, или против солнца символизирует смерть и потустороннее существование. И у удмуртов, и у обских угров действия при обрядах погребения и поминовения производятся в обратном порядке, т. е. против солнца.

У хантов и манси также придаётся значение движениям кистей рук к себе / от себя. Например, наливая чай движением руки внутрь – это на

благо, движением в противоположную сторону (тыльной стороной от себя) – наливают покойнику. Эти движения по своему значению близки символическому разделению пространства на правую и левую стороны и другим подобным смысловым параллелям. Еда и питьё на поминках распределяется между присутствующими не по часовой стрелке как в обычной жизни, а в несколько хаотичном порядке – в разброс. У удмуртов гости рассаживаются за столом, где еда представляется также в необычном для живых порядке, т. е. против солнца, а напитки также наливают через тыльную сторону руки.

Частью похоронных традиций обских угров является жертвоприношение, с помощью которого закрывают пространство живых от иного мира (символически это производится также с помощью ткани), а душа животного рассматривается и как транспортное средство для души умершего [10; 11; 21; 28].

У удмуртов при увозе умершего из дома у столба въездных ворот рубят курицу или петуха (в зависимости от пола умершего). Считается, что «эти птицы гребут назад» и их запрещено жертвовать на других обрядах. Из мяса варят так называемый «горячий суп» для представления умершему. Сосуд с супом и кусками мяса стоит у устья печи (широкого топочного отверстия); все по очереди подходят и крошат еду для умершего, обращаясь к нему и пожелав, чтоб еда досталась именно ему. После завершения поминок сосуд с содержимым вываливается в северном направлении: за домом, сараем, оградой, если это свой участок; если не свой участок, то в северной части своего двора у забора, в саду, у самого северного столба ворот. При жертвовании птиц и животных для поминок голову жертвы располагают в северо-западную сторону, что называется «закальванием вниз». Угощение умершего происходит и на кладбище, принесённую еду и напиток подают тыльной стороной руки.

Подобное мировосприятие и ориентиры отражают устойчивость мифологических представлений о мире живых и мертвых, о разграничении сфер во временных и пространственных проявлениях [12, 85]. Рассмотренные обрядовые традиции насыщены всевозможными условностями, т. к. в кризисные моменты люди обращаются к ритуальному поведению, отсылающему к сакральному первообразу (см. [4, 41–60]).

Обсуждение и заключение

Похоронно-поминальные традиции изучаемых народов опираются на древнее мифологическое сознание, что выражено на всех уровнях – акциональном и вербальном.

В результате сопоставительного и структурного анализа мифоритуальных традиций обских угров и удмуртов выявлен комплекс близких для них древнейших представлений о круговороте жизни и смерти. В их основе лежат мифологические пространственные образы, прежде всего образ реки, текущей на север – в нижний мир, куда уходят души-тени умерших, где их посмертная «жизнь» течёт в противоположном направлении, с последующим уменьшением до насекомого. В похоронно-поминальных обрядовых практиках изучаемых народов эти представления выражены в преобладании ритуальных действий в направлении север/запад, вниз, в символике движений рук с направлением «во вне» (в противоположность действий для живых – «во внутрь»). И у обских угров, и у удмуртов уход из жизни человека меняет статус жизненного пространства: в нём образуется «дыра», что требует строгого соблюдения особых правил с последующим «закрытием» этой «дыры» (совершения жертвоприношения и других символических действий). В этот период происходит прощальная коммуникация с умершим.

Среди общих для обских угров и удмуртов представлений – вера в привязанность одной из душ умершего к месту захоронения, для выхода которой делали отверстие (дыра в гробу или окошко в надмогильном сооружении), при этом

было важно символически отделить умершего от мира живых, предохранить их от возможной опасности, которую он может для них представлять. Важную роль в этом играет ритуальная роль стихий огня и воды, имеющих очистительную и защитную функции.

Важным элементом рассмотренных обрядовых практик является табу на наличие в погребении пуха, перьев и другие «птичьи» акценты на правилах жертвования, проведения поминальных трапез и т. п. Все они восходят к представлениям о наличии «верхней» крылатой части человеческой души и свидетельствуют о её ином статусе, по сравнению с душой-тенью. Именно с ней связана вера в покровительство умерших предков, а также их возвращение в мир живых через вселение в новорожденных.

Таким образом, несмотря на самостоятельный путь многовекового развития изучаемых этносов на территориях своего исконного проживания и сложившиеся у них контакты с другими этническими образованиями, когда «различные изменения и исторические напластования – важное условие существования живой традиции, отражающей эволюцию культуры, когда традиционное общество в ситуациях столкновения двух или более «миров» вынуждено проявлять многовариантную интерпретацию, провоцирующую пластическое поведение» [1, 295–296], можно заключить, что угро-пермские народы по-прежнему сохраняют общий для них древний пласт этнических представлений, ярко выраженный в похоронно-поминальных традициях.

Список источников и литературы

1. Анисимов Н. «Диалог миров» в матрице коммуникативного поведения удмуртов. *Dissertationes Folkloristicae Universitatis Tartuensis* 26. Tartu: University of Tartu Press, 2017. 386 с.
2. Атаманов М. Г., Владыкин В. Е. Погребальный ритуал южных удмуртов (кон. XIX – нач. XX в.) // *Материалы средневековых памятников Удмуртии*. Устинов: УдНИИ СМ УАССР, 1985. С. 131–152.
3. Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994. 383 с.
4. Владыкина Т. Г. Удмуртский фольклор: проблемы жанровой эволюции и систематики. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. 354 с.
5. Владыкина Т. Г. Фольклорный текст в мифологическом контексте // *Удмуртская мифология*. Ижевск: УдНИИ УрО РАН, 2003. С. 54–66.
6. Волдина Т. В. Родильная и погребально-поминальная обрядность казымских хантов // *Этнография народов Западной Сибири. К юбилею доктора ист. наук, проф. З. П. Соколовой*. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2000. С. 190–198.
7. Волдина Т. В. Представления обских угров о «жизни» после смерти // *Вестник угроведения*. 2016. Т. 6. № 2. С. 98–104.
8. Гемуев И.Н. Мировоззрение манси: Дом и Космос. Новосибирск: Наука, 1990. 232 с.
9. Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народа манси: Культурные места (XIX – начало XX в.) Новосибирск: Наука, 1986. 190 с.
10. Зенько А.П. Представления о сверхъестественном в традиционном мировоззрении обских угров. Новосибирск: Наука, 1997. 160 с.

11. Карьялайнен К. Ф. Религия югорских народов. В 3 т-х / Пер. с нем. Н. В. Лукиной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994–1996. 683 с.
12. Кулемзин В.М. Обряды перевода из реального мира в потусторонний у народов Западной Сибири в XVIII–XX вв. Генезис традиций // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1994. Т. 2. С. 334–441.
13. Миннихметова Т. Время и пространство в поминально-обрядовой культуре удмуртов // Природные, социально-экономические и этнокультурные процессы в России. Ч. 2. Казань: Алма-Лит, 2008. С. 22–25.
14. Миннихметова Т. Одежда умирающего и умершего (на примере закамских удмуртов). Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. науч. трудов.: в 2 т. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2013. Т. 1. С. 208–211.
15. Мифология хантов / В. М. Кулемзин, Н. В. Лукина, Т. А. Молданова, Т. А. Молданов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. 310 с.
16. Мифы, предания, сказки хантов и манси / Сост., предисл. и примеч. Н. В. Лукиной. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. 568 с.
17. Попова С. А. Обряды перехода в традиционной культуре манси. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. 180 с.
18. Пятникова Т. Р. Традиционные обряды хантов усть-казымского Приобья. Екатеринбург: Баско, 2008. 80 с.
19. Ромбандеева Е. И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов). Сургут: АИИК «Северный дом» и Северо-Сибирское регион. кн. изд-во, 1993. 208 с.
20. Соколова З. П. Ханты и манси. Взгляд из XXI века. М.: Наука. 2009. С. 638–665.
21. Талигина Н. М. Обряды жизненного цикла у сыньских хантов. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2005. 176 с.
22. Толстая С. М. Образ мира в тексте и ритуале. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. 528 с.
23. Христолюбова Л. С. Погребальный ритуал удмуртов // Этнокультурные процессы в Удмуртии. Ижевск: НИИ, 1978. С. 71–86.
24. Чернецов В. Н. Представления о душе у обских угров // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. М.: Наука, 1959. С. 114–156.
25. Шутова Н. И. Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции: опыт комплексного исследования. Ижевск: УдНИИ УрО РАН, 2001. 301 с.
26. Holmberg U. *Finno-Ugric, Siberian // The Mythology of All Races in Thirteen Volumes*. New York: Cooper Square Publishers, Inc. 1964. Vol. IV. 722 p.
27. Lintrop A. *Udmurdi usund*. Tartu: Eesti Rahva Muuseum, 2003. 256 с.
28. Munkácsi B. *Seelegenglaube und Totenkult der Wogulen // Keléti Szemle*. Budapest: [w/p], 1905. Bd. VI. pp. 65–130.
29. Siikala A.-L., Ulyashev O. *Hidden Rituals and Public Performances: Traditions and Belonging among the Post-Soviet Khanty, Komi and Udmurts*. Helsinki: Finnish Literature Society, 2011. 365 p.
30. Toulouze E., Anisimov N. *How the Udmurt Understand the World, and Man in // Book Review. Journal of Ethnology and Folkloristics*. 2020. Vol. 14. No. 2. pp. 143–146.
31. Voigt V. *On Hungarian Lélek «Spirit, Soul» and the Finno-Ugric «Soul» or «Breath» or Simply «Steam». Body, soul, spirits and supernatural communication*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2019. pp. 2–10.

References

1. Anisimov N. *«Dialog mirov» v matrice komunikativnogo povedenija udmurtov* [Dialogue of worlds through the lens of Udmurt communicative behavior]. *Dissertationes Folkloristicae Universitatis Tartuensis* 26. Tartu: University of Tartu Press, 2017. 386 p. (In Russian)
2. Atamanov M. G., Vladykin V. E. *Pogrebalnyj ritual juzhnyh udmurtov (konez XIX – nachalo XX v.)* [Funeral ritual of the Southern Udmurts (the end of the XIX – beginning of the XX centuries)]. *Materialy srednevekovyh pamjatnikov Udmurtii* [Materials of medieval monuments of Udmurtia]. Ustinov: UdNII SM UASSR Publ., 1985. pp. 131–152. (In Russian)
3. Vladykin V. E. *Religiozno-mifologicheskaja kartina mira udmurtov* [Religious and mythological picture of the world of the Udmurts]. Izhevsk: Udmurtia Publ., 1994. 383 p. (In Russian)
4. Vladykina T. G. *Udmurtskij folklor: problemy evoluzii i sistematiki* [Udmurt folklore: problems of evolution and taxonomy]. Izhevsk: UdIIL UrO RAN Publ., 1998. 354 p. (In Russian)
5. Vladykina T. G. *Folklorny tekst v mifologicheskom kontekste* [Folklore text in a mythological context]. *Udmurtskaja mifologija* [Udmurt mythology]. Izhevsk: UdNII UrO RAN Publ., 2003. pp. 54–66. (In Russian)
6. Voldina T. V. *Rodil'naja i pogrebal'no-pominal'naja obrjadnost' kazymskih khantov* [Maternity and funeral rituals of the Kazym Khanty]. *Etnografija narodov Zapadnoj Sibiri. K jubileju doktora istoricheskikh nauk, professora Z. P. Sokolovoj* [Ethnography of peoples of the Western Siberia. To the anniversary of Doctor of Historical Sciences, Professor Z. P. Sokolova]. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN Publ., 2000. pp. 190–198. (In Russian)
7. Voldina T. V. *Predstavljenija obskikh ugrov o «zhizn» posle smerti* [The ideas of the Ob Ugrians about the «life» after death]. *Vestnik ugrovedenija* [Bulletin of Ugric Studies], 2016, no. 6 (2), pp. 98–104. (In Russian)
8. Gemuev I. N. *Mirovozzrenie mansi: Dom i Kosmos* [Mansi worldview: Home and Space]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1990. 232 p. (In Russian)
9. Gemuev I. N., Sagalaev A. M. *Religiya naroda mansi: Kul'tovye mesta (XIX – nachalo XX v.)* [Religion of the Mansi people: Cult places (XIX – early XX centuries)]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1986. 190 p. (In Russian)

10. Zenko A. P. *Predstavleniya o sverkh"estestvennom v traditsionnom mirovozzrenii obskikh ugrov* [The ideas about the supernatural in the traditional worldview of the Ob Ugrians]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1997. 160 p. (In Russian)
11. Karjalainen K. F. *Religiya yugorskikh narodov. V 3 t-h* [Religion of the Yugra peoples. In 3 vol.]. Transl. from the German by N. V. Lukina. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta Publ., 1994–1996. 683 p. (In Russian)
12. Kulemzin V. M. *Obryady perevoda iz real'nogo mira v potustoronniy u narodov Zapadnoy Sibii v XVIII–XX vv. Genezis traditsiy* [Rites of transition from the real world into the other world among the peoples of Western Siberia in the XVIII–XX centuries. The genesis of traditions]. *Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoy Sibiri* [Essays on the cultural genesis of the peoples of Western Siberia]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta Publ., 1994. vol. 2. pp. 334–441. (In Russian)
13. Minniyakhmetova T. *Vremya i prostranstvo v pominalno-obryadovoy kulture udmurtov* [Time and space in funeral and memorial culture of the Udmurts]. *Prirodnye, sozialno-ekonomicheskie i etnokulturnye prozessy v Rossii. Chast 2* [Natural, socio-economic and ethno-cultural processes in Russia. Part 2]. Kazan: «Alma-Lit» Publ., 2008. pp. 22–25. (In Russian)
14. Minniyakhmetova T. *Odezhdа umirajushchego i umershego (na primere zakamskih udmurtov)* [Clothes of the dying and the deceased person (on the example of the Trans-Kama Udmurts)]. *Integracija arheologicheskikh i etnograficheskikh issledovanij: Sbornik nauchnykh trudov v 2 tomah* [Integration of archaeological and ethnographic researches: Collection of articles in 2 volumes]. Irkutsk: Izd-vo IrGTU Publ., 2013. vol. 1. pp. 208–211. (In Russian)
15. *Mifologija khantov* [Mythology of the Khanty people]. V. M. Kulemzin, N. V. Lukina, T. A. Moldanova, T. A. Moldanov (eds.). Tomsk: Izd. Tomskogo un-ta Publ., 2000. 310 p. (In Russian)
16. *Mify, predaniya, skazki khantov i mansi* [Myths, legends, fairy tales of the Khanty and Mansi]. Comp by N. V. Lukina. Moscow: Nauka. Glavnaya redakciya vostochnoj literatury Publ., 1990. 568 p. (In Russian)
17. Popova S. A. *Obrjady perehoda v tradicionnoj kul'ture mansi* [Rites of transition in the traditional culture of the Mansi people]. Tomsk: Izd. Tomsk. un-ta Publ., 2003. 180 p. (In Russian)
18. Pyatnikova T. R. *Tradicionnye obrjady khantov ust'-kazym'skogo Priobja* [Traditional rituals of the Khanty of Ust-Kazym Ob region]. Yekaterinburg: Basko Publ., 2008. 80 p. (In Russian)
19. Rombandeeva E. I. *Istoria naroda mansi (vogulov) i ego duhovnaja kultura (po dannym folklore i obrjadov)* [History of the Mansi people (Voguls) and their spiritual culture (according to folklore and rituals)]. Surgut: AIIK «Severnyj dom» i Severo-Sibirskoe region. kn. izd-vo Publ., 1993. 208 p. (In Russian)
20. Sokolova Z. P. *Khanty i mansi. Vzglyad iz 21 veka* [Khanty and Mansi peoples. A look from the 21st century]. Moscow: Nauka Publ., 2009. pp. 638–665. (In Russian)
21. Taligina N. M. *Obrjady zhiznennogo cikla u synskih khantov* [Life cycle rituals among the Synya Khanty]. Tomsk: Izd. Tomsk. un-ta Publ., 2005. 176 p. (In Russian)
22. Tolstaya S. M. *Obraz mira v tekste i rituale* [Image of the world in text and ritual]. Moscow: Russkij fond sodejstvija obrazovaniju i nauke Publ., 2015. 528 p. (In Russian)
23. Khristolyubova L. S. *Pogrebalnyj ritual udmurtov* [Funeral ritual of the Udmurts]. *Etnokulturnye prozessy v Udmurtii* [Ethno-cultural processes in Udmurtia]. Izhevsk: NII Publ., 1978. pp. 71–86. (In Russian)
24. Chernetsov V. N. *Predstavlenija o dushe u obskikh ugrov* [Ideas about the soul of the Ob Ugrians]. *Issledovania i materialy po voprosam pervobytnyh religioznyh verovanij* [Research and materials on the issues of primitive religious beliefs]. Moscow: Nauka Publ., 1959. pp. 114–156. (In Russian)
25. Shutova N. I. *Dohristianskie kultovye pamjatniki v udmurtskoj religioznoj tradicii: opyt kompleksnogo issledovanija* [Pre-Christian cult monuments in the Udmurt religious tradition: experience of complex research]. Izhevsk: UdNII UrO RAN Publ., 2001. 301 p. (In Russian)
26. Holmberg U. Finno-Ugric, Siberian. *The Mythology of All Races in Thirteen Volumes*. New York: Cooper Square Publishers, Inc. 1964. Vol. IV. 722 p. (In English)
27. Lintrop A. *Udmurdi usund*. Tartu: Eesti Rahva Muuseum, 2003. 256 p. (In Estonian)
28. Munkácsi B. Seelegenglaube und Totenkult der Wogulen. *Keléti Szemle*. Budapest: [w/p], 1905. vol. VI. pp. 65–130. (In German, Hungarian)
29. Siikala A.-L., Ulyashev O. *Hidden Rituals and Public Performances: Traditions and Belonging among the Post-Soviet Khanty, Komi and Udmurts*. Helsinki: Finnish Literature Society, 2011. 365 p. (In English)
30. Toulouze E., Anisimov N. How the Udmurt Understand the World, and Man in It: Book Review. *Journal of Ethnology and Folkloristics*, 2020, no. 14 (2), pp. 143–146. (In English)
31. Voigt V. On Hungarian Lélek «Spirit, Soul» and the Finno-Ugric «Soul» or «Breath» or Simply «Steam». *Body, soul, spirits and supernatural communication*. Ed. Éva Pócs. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2019. pp. 2–10. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Волдина Татьяна Владимировна, ведущий научный сотрудник, БУ ХМАО – Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок» (628011, Российская Федерация, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, д. 14 А), кандидат исторических наук.

tatyana.voldina@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-6527-370X

Миннихметова Татьяна Гильнихметовна, независимый исследователь, Институт Европейской этнологии, университет Инсбрука, Австрия (Австрия, Инсбрук, Иннраин 52 А-6020), кандидат исторических наук, доктор философии.

minnijah@hotmail.com

ORCID ID: 0000-0001-8882-2719

ABOUT THE AUTHORS

Voldina Tatyana Vladimirovna, Leading Researcher, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development (628011, Russian Federation, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Khanty-Mansiysk, Mira st., 14A), Candidate of Historical Sciences.

tatyanavoldina@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-6527-370X

Minniyakhmetova Tatyana Gilniyakhmetovna, Independent Researcher, Institute for European Ethnology, University of Innsbruck (A-6020, Austria, Innsbruck, Innrain 52), Candidate of Historical Sciences, Doctor of Philosophy.

minnijah@hotmail.com

ORCID ID: 0000-0001-8882-2719